

УДК 82-1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-72-78

ОБРАЗ МЕДНОГО ВСАДНИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ В.А. СОСНОРЫ

Балашов-Ескин К. М.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-ой Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи – литературоведческий анализ переосмысления традиционного для русской культуры образа Медного всадника в поэзии В. А. Сосноры. Материалом исследования стало стихотворение «Медная сова».

Процедура и методы исследования ориентированы на теорию стиля, развёрнутую в отечественной филологической традиции (А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, А. Ф. Лосев, В. В. Виноградов, Ю. И. Минералов и др.).

Результаты показывают, что В. А. Соснора, изображая узнаваемые черты как скульптурного, так и литературного образа Медного всадника (в первую очередь из одноимённой поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник»), выстраивает собственную внутреннюю форму образа и произведения, концентрируя содержательные планы предшественников и воплощая актуальную, а подчас и злободневную проблематику своей эпохи.

Теоретическая значимость статьи состоит в новом взгляде на соотношение классических традиций и литературы неоавангарда середины XX века.

Ключевые слова: Медный всадник, В. А. Соснора, неоавангард, индивидуальный стиль, внутренняя форма

THE BRONZE HORSEMAN'S IMAGE IN THE POETIC CONSIDERATION OF V. SOSNORA

K. Balashov-Eskin

Moscow City Pedagogical University

4 2nd Selskohozyajstvenniy pr., Moscow 129226, Russian Federation

Abstract.

The aim of the article is to analyze the re-consideration of the traditional Russian culture image of Bronze Horseman in V. Sosnora's poetry. The poem "The Bronze Horseman" is chosen as a material for the research.

Methodology are based on the theory of style developed by Russian philological tradition (A. A. Potebnya, A. N. Veselovsky, A. F. Losev, V. V. Vinogradov, Yu. I. Mineralov, et al.)

The results of the analysis showed that using familiar lineaments of the Brazen rider as the sculptural art and the artistic image (primarily the image used in Pushkin's poem "The Bronze Horseman") Sosnora makes a new internal form both of the image and the work of art. He accumulated artistic plots of his predecessors and rises actual issues of his days.

The research implications of the article is that gets new vision on the correlation of the classical traditions and the neo-avant-garde literature of the middle of the XX century.

Key words: the Brazen Rider, V. A. Sosnora, neo avant-garde, individual style, internal form

Введение

Известно, что художественно функциональное использование общих тем, мотивов и образов, а также реминисценции, аллюзии, поэтические диалоги, «... “растворённые” в субстанции литературных текстов»¹, являются устойчивой литературной традицией и признаками индивидуального стиля писателя. По-своему эта традиция преломилась в пушкинскую эпоху: «целый ряд стихов “Медного Всадника” оказывается то распространением стихов Мицкевича, то как бы ответом на них»². Поэтические заимствования отмечены самим Пушкиным в комментариях к поэме. Впрочем, поэма «Медный Всадник» в свою очередь сама стала богатым источником многочисленных аллюзий и реминисценций, а образ Медного всадника³ глубоко укоренился в русской культуре.

Тенденция использования тем, мотивов и образов поэмы А. С. Пушкина «Медный Всадник» в период с 20-х по 60-е гг. XX в. «пошла на убыль» [4, с. 696], однако начиная с 60-х произошло заметное её «оживление», по большей части в «ленинградской неофициальной поэзии», необходимость изучения которой ещё в 1998 г. отмечал В. М. Маркович, наметив как «один из возможных путей такого изучения» [4, с. 696] реминисценцию. Один из ярчайших примеров переосмысления образа Медного Всадника представлен в поэзии «последнего “эстетического диссидента”» [6, с. 664] В. А. Сосноры.

1. Внутренняя форма и «образ образа» как проявление стиля

Образы в поэзии В. А. Сосноры ввиду своей «чрезвычайной поэтической сложности» [6, с. 664] не поддаются сколь-нибудь однозначным определениям. Его

Медный всадник не столько образ, сколько художественный приём, средство создания «образа образа» [7, с. 125], цель которого «восстановление для сознания внутренней формы» [8, с. 42]. Содержание (идея) произведения, согласно А. А. Потебне, исходит и от автора, и от читателя, подразумевая то, что мысленно создаёт читатель, используя «память внутренней формы» [8, с. 41] через «восстановление внутренней формы» и через процесс «создания новых явлений» [8, с. 44].

Понимание внутренней формы до настоящего времени вызывает много вопросов. «Её сводят..., во-первых, к внутренней форме слова..., во-вторых, ... к лингвистически истинному этимологическому образу (типа стол – слатъ или окно – око)» [5, с. 160]. Ю. И. Минералов подчёркивает её «особое расширительное понимание» [5, с. 161], интерпретацию как «“образа образов” (образа идей)» [5, с. 162] и относит к важнейшим компонентам «феномена, обозначаемого как “индивидуальный стиль”» [5, с. 163].

Стиль – сложное понятие, находящееся на стыке лингвистики и литературоведения, охватывающее и автора, и произведение, и язык, и мысль. П. Н. Сакулин, к примеру, определял стиль как «совокупность тех особенностей, какими одна форма отличается от другой формы, ей аналогичной» [9, с. 140], а А. Ф. Лосев – как «принцип конструирования всего потенциала художественного произведения на основе его тех или иных надструктурных и внехудожественных заданностей и его первичных моделей...» [3, с. 226]. В отношении индивидуального стиля можно добавить, что он также отражается и во взаимосвязи средств выражения с работой авторской и читательской мысли, потому и «различные индивидуальные стили – не просто средство выражения, а средство “преобразования” мысли, причём по своей способности к таковому преобразованию они заведомо не равны» [9, с. 354].

¹ Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): учеб. для студ. филол., фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 12.

² Брюсов В. Собрание сочинений. Т. 7. М.: Худож. лит., 1975. С. 32.

³ В поэме А. С. Пушкина в данном словосочетании оба слова пишутся с заглавной буквы: Медный Всадник. В настоящей статье вне пушкинского контекста используется общепринятое написание – Медный всадник.

2. Медный всадник в стихотворении «Медная сова»

Книга «12 СОВ» состоит из двенадцати стихотворений, и стихотворение «Медная Сова» уже самим названием формирует аллюзию на поэму А. С. Пушкина «Медный Всадник». Стихотворение содержит два наиболее ярких образа: Медного всадника и лирического героя. Каждый из них несёт и высокое, и низкое начала – эта амбивалентность, столкновение как двух образов, так и полюсов внутри каждого образа, становится основным стиливым приёмом в произведении.

2.1. Амбивалентность образа Медного всадника

Начало стихотворения – движение названного всадника. Созвучие *медленно* с *медный*, а также словосочетание «медленно скакал», не ощущаемое «как стилистический приём»¹ и метафорически проявляющее «логическую несогласованность»² замедленного, торжественного движения или даже полёта, указывают на такой художественный приём, как катахреза, и укрепляют аллюзивный план: перед читателем открывается мистическая картина движения Медного всадника:

*По городу медленно всадник скакал*³.

Поэт вслед за Пушкиным словно подхватывает движение Медного Всадника и *разворачивает* его в другом направлении, уходя от сюжета пушкинской поэмы.

Столкновение высокого и низкого происходит в первых же двух стихах – высокий образ снижается восприятием лирического героя через иронию, граничащую с сарказмом: «Копыто позванивало как

стакан»⁴. Ирония – один из ключевых авторских приёмов и реализуется в данном стихотворении методом синтеза гиперболы с литотой, к тому же поэт часто играет на контрасте с пушкинскими строками, показывая движение Медного всадника не таким уж устрашающим, ср. у Пушкина:

Как будто грома грохотанье —

Тяжело-звонкое скаканье ...

и

За ним несётся Всадник Медный

*На звонко-скачущем коне*⁵.

Очевидно, что ирония возникает не только на стыке «как будто грома грохотанье» – «позванивало, как стакан», но и посредством катахрезы – «звон копыта» (в единственном числе), а также представлением «звона» ироническим «позванивало». Восстановление внутренней формы образа раскрывает в содержании ироническую амбивалентность, в которой и церковный звон «на глас Божий»⁶, и демонические образы, одновременно являющиеся символом молодецкой удали: «чёртом прыгать, скакать»⁷, и образ гранёного стакана, не только как символа советской эпохи.

Медный всадник обращает на себя внимание не только движением, но и через крайне необычный портрет:

Зрачок полыхал – снежнобелая цель

*На бледно-зелёном лице*⁸.

Столкновение цветов (снежнобелый – цвет чистоты, и бледно-зелёный – цвет со временем окисленной бронзы) через устойчивую связь с образами вечной жизни и смерти также реализует амбивалентность – воплощение высокого в низком и наоборот.

⁴ Там же. С. 269.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. IV. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. С. 394.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 1. С. 236.

⁷ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 1475.

⁸ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб. С. 152.

² Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. 576 стб. С. 347.

³ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 269.

Словосочетание «зрачок полыхал» обладает свойствами катахрезы, но может быть истолкован и как ироническая «эмблема заменяемого»¹, например, символического «горящего взора», что характеризует его как металепис. В любом случае это семантическое «сгущение мысли»² усиливается эллипсисом в виде тире и создаёт дуалистический образ цели, с одной стороны, преследуемой Медным всадником, с другой – делающей самого всадника целью. Отдельно стоит указать на утраченные значения слов «зрачѣкъ» – «зеркальце, человек в глазу»³ – и «полыхать» – «кидать, швырять, бросать»⁴.

Возвышение образа Медного всадника до божественного представлено в стихе: «Икона! Тебя узнаю, государь!»⁵. Отметим, что «зрак», корень слова «зрачок», в слове Даля отмечен как «лицо, вид, образ, лик»⁶, следовательно, через различные семантические связи раскрывает внутреннюю форму всего образа. В дополнение ко всему, высокий образ божества, иконы уподобляется кумиру, намекая на известную заповедь, и наделяется демоническими качествами: «В пернатой сутане сова-красота!»⁷

Сова – также амбивалентный образ с одной стороны, наделённый «демоническими свойствами», с другой – положительными качествами, по мнению А. В. Гуры,

связанными с «позднейшим мусульманским влиянием» [2, с. 575]. Сутана – одежда католического духовенства, дополненная демоническим, *совиным* эпитетом, ассоциативно связывает воедино сразу несколько образов: христианство, в особенности католическое, иронический «пернатый» образ «пастыря народов», наделённый демоническими свойствами. И речь идёт не только о Петре Великом. Поэт, впитавший с детства все ужасы войны, дополняет образ Медного всадника:

Из меди мозги, из меди уста.

*Коррозия крови на медных усах*⁸, –

раскрывая один из тяжелейших периодов в истории России. Цветовая (оттенки красного) и звуковая (медь) гаммы, *корнесловие*⁹ представляют многоступенчатую метафору, деформирующую время, объединяя петровский (царский) и советский периоды и создавая прочные ассоциативные связи с образами И. В. Сталина, репрессий и Великой Отечественной Войны. В этом контексте «медь» воспринимается как метафора, связанная более с оружием, чем с колоколами, также намекая на положение христианства в советской России, впрочем, и во времена Петра I колокола переплавляли в пушки.

2.2. Медный всадник и лирический герой

Образу Медного всадника противопоставит образ лирического героя. Его слова, обращённые к Медному всаднику, вероятно, являются развёрнутым, домысленным монологом Евгения в момент произнесения:

*«Добро, строитель чудотворный! –
Шепнул он, злобно задрожав, –
Ужо тебе!»*¹⁰

¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 239.

² Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. С. 192.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 1. С. 718.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 3. С. 275.

⁵ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб.; М.: М. О. Вольф, 1880–1882. Т. 1. С. 718.

⁷ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

⁸ Там же. С. 270.

⁹ Минералов Ю. И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность): учеб. для студ. филол., фак. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 250.

¹⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. IV. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. С. 393.

Иронически-возвышенное обращение лирического героя продолжается серией эллипсисов, обособленных тире:

*Твой – город! Тебе – Рапортующий порт.
Ты – боцман Сова, помазанник Петр¹.*

Образ Медного всадника вновь наделяется положительными качествами. Боцман – важный и уважаемый во флоте человек. Он «... должен знать имена всех матросов и унтер-офицеров, их способности и познания в морском деле, наблюдать за их поведением и кроме того – производство такелажных работ, подъём тяжестей, постановку и спуск рангоута, уборку якорей, всё касающееся до вооружения корабля, компас, управление рулём и парусами на шлюпках...»² Однако дальнейшая речь героя, обращаясь к нему с такими эпитетами, как *истеричка, изверг, садист*, раскрывает истинное отношение к Медному всаднику. Они же в некотором роде характеризуют и самого героя, который представлен в том же биполярном ключе – с одной стороны, в уничижительной форме:

Я гол, как монгол, как череп – безмозгл³.

С другой – в возвышенной манере:

Я страшный строитель. Я – стражник застав.

Когда-то моя прозвонит звезда⁴.

Нетрудно заметить аллюзию на пушкинское стихотворение «К Чаадаеву» и образ черепа как вероятную реминисценцию из пьесы У. Шекспира «Гамлет».

В образе героя синтезируются не только поэт, патриот, революционер, маленький человек, сумасшедший, но и причастный к высшему, Страшному суду. Стих «Я страшный строитель. Я – стражник застав» ассоциативно связывает с Библией. Библейские

сюжеты – особая традиция русской литературы, причём она сохраняется и переосмысливается авторами независимо от их мировоззрения и вероисповедания. Например, «именно поздний Толстой, как известно, резко отрицательно настроенный против Православной церкви» создаёт один из «самых ярких и запоминающихся литературных описаний празднования Светлого Христова Воскресения» [1, с. 19]. В. А. Соснора продолжает эту традицию, привнося во внутреннюю форму произведения связи с новозаветным образом апостола Петра, а стих «Я щёки тебе на блюде несущу»⁵ дополняет эти связи как метафора, выраженная, с одной стороны, поголевски через синекдоху «щёки» и литоту «блюде», указывая и на евангельские мотивы «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. 5: 39), и на казнь Иоанна Крестителя.

Действие стихотворения происходит на фоне движения всадника и коней-гигантов, несущих Россию (гоголевская тройка), – вновь принцип столкновения полярностей, но уже скорее с трагической нотой, нежели иронической, потому движение также обращает на себя внимание как образ. Своей траекторией движения обладает и лирический герой, находясь одновременно и в стороне, и в гуще событий. Его траектория больше похожа на движение от земли к небу – вертикаль. А с высоты вся божественность Медного всадника обращается в *маленького металлического коня*, по сути, детскую игрушку, солдатика.

Заключение

Основа образности в стихотворении «Медная Сова» – пушкинский «Медный Всадник», однако стихотворение, в отличие от поэмы XIX в., не содержит сюжета. Переосмысление образов Пушкина призвано создать другие образы – войны и тирании под предлогом достижения «снежнобелой

¹ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

² Энциклопедический словарь Т. 4а / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. С. 509.

³ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Соснора В. Стихотворения. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Пальмира», 2018. С. 270.

цели» – неоднозначного образа «светлого будущего», расовой чистоты и пр.

Медный всадник для петербургских поэтов второй половины XX в. – один из важнейших образов. Как продолжатель футуристических традиций, В. А. Соснора, переосмысляя классический пушкинский образ, мастерски применяет различные художественные приёмы. Стилевая особенность произведения В. А. Сосноры заключается не просто в неожиданных

комбинациях слов и в новых сравнениях, например: «я гол, как монгол», а в возвращении *памяти внутренней формы*. «Сгущение мысли» происходит за счёт создания новой внутренней формы, сближения, ассоциативного соединения на первый взгляд далёких образов: Гамлет – Пётр I – апостол Пётр (Санкт-Петербург – Город святого Петра) – Сталин и др.

Статья поступила в редакцию 01.07.2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев С. А. «... Одно из самых светлых и сильных воспоминаний» (образ пасхального богослужения в романе Л. Н. Толстого «Воскресение») // Вестник Московский городской педагогический университет. Серия: Филология. Теория Языка. Языковое образование. 2016. № 2. С. 18–24.
2. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
3. Лосев А. Ф. Проблема художественного стиля. К.: Collegium, Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 288 с.
4. Маркович В. М. Реминисценции «Медного всадника» в ленинградской неофициальной поэзии 60–80-х гг. (К проблеме петербургского текста) // ПОЛЮТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 1998. С. 696–709.
5. Минералов Ю. И. Поэтика. Стиль. Техника. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2002. 174 с.
6. Новиков Вл. Соснора // Русские писатели 20 века: Биографический словарь / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев; Редкол.: Г. В. Якушева (зам. гл. ред.) [и др.]. М.: Большая Российская энциклопедия; Рандеву–АМ, 2000. 808 с.
7. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.
8. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. М.: Высшая школа, 1990. 334 с.
9. Сакулин П. Н. Филология и культурология. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.

REFERENCES

1. Vasil'ev S. A. ["... One of the lightest and strongest of memories" (the image of the Easter service in the novel of L. N. Tolstoy "Resurrection"). In: [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education], 2016, no. 2, pp. 18–24.
2. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.
3. Losev A. F. *Problema khudozhestvennogo stilya* [The problem of artistic style]. Kiev, Collegium, Kievskaya Akademiya Evrobiznesa Publ., 1994. 288 p.
4. Markovich V. M. *Reministsentsii «Mednogo vsadnika» v leningradskoi neofitsial'noi poezii 60–80-kh gg. (K probleme peterburgskogo teksta)* [Reminiscences of "The Copper horseman" in the unofficial Leningrad poetry 60-80-ies (To the problem of the Petersburg text)]. In: [POLYTROPON. The 70th anniversary of Vladimir Nikolaevich Toporov]. Moscow, Indrik Publ., 1998, pp. 696–709.
5. Mineralov Yu. I. *Poetika. Stil'. Tekhnika*. [Poetics. Style. Technique]. Moscow, Institute of literature named after A. M. Gorky Publ., 2002. 174 p.
6. Novikov Vl. Sosnora. In: *Russkie pisateli 20 veka: Biograficheskii slovar'* [Russian writers of the 20th century: a Biographical dictionary] / Ch. ed. and comp. P. A. Nikolaev; Editorial board: G. V. Yakusheva (Vice chief editor) [et al.]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; Rандеву–АМ Publ., 2000. 808 p.
7. Potebnya A. A. *Polnoe sobranie trudov: Mysl' i yazyk* [Complete collection of writings: Thought and language]. Moscow, Labirint Publ., 1999. 300 p.
8. Potebnya A. A. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics] / Ed., introd. article, comments of A. B. Muratov. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 334 p.
9. Sakulin P. N. *Filologiya i kul'turologiya* [Philology and cultural studies]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балашов-Ескин Кирилл Михайлович – аспирант кафедры русской литературы Московского городского педагогического университета;
e-mail: bkm@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kirill M. Balashov-Eskin – Postgraduate student, Department of the Russian literature, Moscow City Pedagogical University;
e-mail: bkm@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Балашов-Ескин К. М. Образ Медного всадника в поэтическом осмыслении В. А. Сосноры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 72–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-72-78

FOR CITATION

Balashov-Eskin K. M. The Bronze Horseman's image in the poetic consideration of V. Sosnora. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 72–78.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-72-78